

28 июня 1969 г.

«НА СМЕНУ!»

Молодые актеры МХАТа

ИСКРЕННЕЕ СЛОВО

Удивительно, каким емким и точным может быть иногда искренне сказанное слово.

Мы говорим с Ириной Мирошниченко уже много-много минут. Она давно рассказала о своей, еще с детских лет, страстной влюбленности в театр. О том, что училась в свое время вместе с А. Демидовой, В. Носиком и другими теперь известными актерами в студии театра имени Ленинского комсомола. Вспоминаются и первая проба сил в «Беспреданнице», и увлеченные занятия искусством пантомимы, и вечера над учебниками французского языка...

А я все еще не могу понять, не знаю «главного». Мне известна дата поступления и окончания следующей студии — студии МХАТ. Мне названы роли, сыгранные за четыре сезона в «Чайке», «Трех сестрах», «Вдовце», «Синей птице», «Тяжком обвинении», «Буднях и праздниках»... Не забыть и работы в кино: «Их знали только в лицо» и «Николай Бауман»...

Но одно по-прежнему остается загадкой. То, что должно, повторю, объяснить самое важное. Почему, например, в весьма и весьма среднем фильме Киевской киностудии «Их знали только в лицо» образ советской разведчицы, сыгранной Мирошниченко, стал куда более глубоким и по-человечески более значительным и богатым, нежели в, мягко выражаясь, абсолютно «ординарном» сценарии Б. Юнгера и Э. Ростовцева. Или еще: почему удается постигнуть столь несхожие между собой характеры, ну, скажем, че-

ховской Ольги или его же Маши Шамраевой?..

Когда Маша признается, что носит черное, как траур по жизни, что она несчастна, мы с первых же минут угадываем за ее признанием нечто такое, что заставляет потом весь спектакль неотрывно следить за судьбой героини, волнуясь и переживая за нее, как за самого себя. И в «Трех сестрах» также: страдания Ольги, ее боль, мечта и надежда становятся нашей общей болью, надеждами и мечтами. И веришь, что «жизнь еще не кончена», что еще немного — и чеховские героини и впрямь узнают, наконец, зачем жили, зачем шли сквозь страдания и невыносимые душевные муки...

И вот неожиданно долгожданное, самое важное, самое нужное, в чем нет заученности привычных ответов на вопросы частых газетных интервью:

— Вы знаете, от каких спектаклей у меня остается самое большое удовлетворение? Как бы это вам объяснить. Вот в «Трех сестрах» я стою, молчу, слушаю, слежу за Ириной, Машей... И ловлю себя позже на том, что я думала мыслями Ольги. Не как Ольга, а именно ее мыслями. Понимаете? Так, как будто она — это я, а я — это она.

Мне вспоминается ремарка Толстого о Пьере Безухова, который знал французский так, что мог думать на чужом ему языке. И мне по-новому, в каком-то ином свете увиделись теперь фильмы и спектакли, в которых играла Мирошниченко. В них, в той или иной степени, всегда было стремление к предельному слиянию с образом. Актриса делала «своими»

мысли и чувства драматургических героев. Их переживания дополнялись ее переживаниями, их горение умножалось на ее горение. И тогда, иной раз, как это случилось в уже упомянутом детективе о советских разведчиках, сыгранная актрисой роль становилась многограннее и глубже...

Словом, такое «слияние» было всегда. И особенно важным, радостным и необходимым оказалось оно в чеховских спектаклях, где мало обладать просто колоссальным мастерством, отточенным и филигранным сценическим профессионализмом... Чехова могут ставить и играть только единомышленники, равно взволнованные и обеспокоенные судьбами и событиями, положенными в основу знаменитых пьес, равно настроенные на гражданское, человеческое, творческое состояние, о котором сам писатель говорил — «не могу молчать».

Иначе — нельзя. Иначе не постичь ни трепетности чеховской мысли, ни той особой «собственной чеховской формы», о которой Толстой так метко заметил: «Смотришь, как человек будто без всякого разбора мажет красками, какие попадают ему под руку. И никакого, будто бы, отношения эти мазки между собой не имеют. Но отойдешь, посмотришь, и, в общем, получится удивительное впечатление. Перед нами яркая, неотразимая картина».

Ирина Мирошниченко умеет быть такой единомышленницей Чехова. Умеет, потому что, по собственному признанию, очень любит этого писателя, умеет, потому что, как и всякий мхатовец, не может не гореть его высо-

кими идеалами, мыслями. Этому ее учили старшие товарищи. Учили в студии, учили на репетициях чеховских пьес. И Мирошниченко с глубокой признательностью рассказывает о том, как под руководством своих наставников Б. Ливанова и И. Раевского, то теряя веру в себя, то вновь обретая надежду, постигала она драматургические глубины и тонкости «мхатовского видения» «Чайки», «Трех сестер» — пьес, где «все построено не на движениях внешних событий, а на тонких движениях жизни, будничной мысли и будничного страдания»...

Конечно, было бы наивным думать, что все удалось, что всегда и везде в сценическом поведении актрисы стопроцентно присутствует то самое «думаю, живу мыслями своих героинь». Но все-таки в основе своей это есть. И бывает все чаще и чаще.

А значит — есть Маша. И нам понятно, отчего и зачем понадобились ей до поры до времени пенсне, табак, черное платье и постоянное желание «выглядеть несчастной». Это своеобразная маска, за которой прячется натура тонкая, чувствительная, одинокая, живущая искренним чувством к Треп-

леву... Эта маска помогает скрыть и сберечь неразделенную любовь. И угасить ненависть к Аркадиной... И эта же маска, оказывается, естественно, ненужной и лишней, когда потеряна всякая надежда, когда совершается трагедия, после которой не к чему и незачем жить...

«Обратный ход», контраст внешнего и внутреннего — это всегда трудно. Тем радостнее результат. Тем памятнее след, оставленный в душе героиней Мирошниченко.

Наверное, поэтому так запоминается и Ольга в «Трех сестрах». Спокойнее, мудрее, рассудительнее других, она оказывается в действительности очень и очень «ранимым» человеком. Стычка и «срыв» с Натальей из-за восьмидесятилетней няньки не случайность, не следствие пожара и бессонной ночи. Это — логическое и естественное проявление той постоянной внутренней драмы, которой переполнена Ольга и которую она старается скрыть. И которой ей не скрыть никогда, так как она хочет жить и живет во имя сестер, во имя их счастья. Героиня Мирошниченко вдвойне, тройне невыносимо страдает от «странной, неумной, неудобной и недостаточно

чистой, может быть, даже грешной жизни». И вдвойне, тройне понимает, как важно именно поэтому не терять надежды, верить, знать, что приближается буря, «что жизнь не кончена, что твои страдания перейдут в радость для тех, кто будет жить после и помянет тебя добрым словом».

Последний монолог Мирошниченко читает со слезами и улыбкой. Не надо объяснять, что надежда у Ольги, которую она играет, — выстраданная надежда. Она выстрадана Чеховым, его героиней... Она выстрадана актрисой, верящей в то, что люди могут быть счастливы, что одиночество и разобщенность — самое противоестественное из всех человеческих состояний...

...Когда я перечитывал блокнот с записью нашего разговора, мне снова попались на глаза строчки:

— Ловлю себя на том, что я думала мыслями Ольги. Не как Ольга, а именно ее мыслями. Так, как будто она — это я, а я — это она...

Нет, право же, удивительно, каким емким и точным может быть иногда искренне сказанное слово.

Л. МАКОВКИН.

На снимке — А. НАГИБИНА, И. МИРОШНИЧЕНКО.